

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXVIII ¹⁾.

Мы вышли на подъездъ бани и узнали, что по распоряженію Кіамиль-паши лошадей вернули обратно, а за нами прислали осѣдланныхъ муловъ съ евнухами.

На смѣну яркому, солнечному дню спустилась безлунная, суровая ночь и скрыла все подъ чернымъ покровомъ мрака. Былъ темень также и куполь небесный, окутанный грядями дымящихся тучъ, и только зарницы, предвѣщая наступленіе грозы, молча играли по краямъ горизонта.

При сказанныхъ условіяхъ ѣзда по скверной мостовой неосвѣщенныхъ улицъ оказалась не изъ пріятныхъ: животныя спотыкались, ревѣли и били задними ногами, такъ что справиться съ ними, даже погонщикамъ, было очень трудно; но, преодолевъ все препятствія, мы благополучно прибыли въ отдаленную отъ центра лѣтнюю резиденцію губернатора.

Меня пригласили наверхъ, въ гаремъ. Туда явился и самъ Кіамиль-паша, веселый, довольный и въ чрезвычайно изысканныхъ, деликатныхъ выраженіяхъ, но не лишенныхъ риторическихъ прикрасъ вычурнаго тона, какъ, вообще, по турецкимъ понятіямъ, долженъ говорить образованный человѣкъ, сообщилъ мнѣ, что прекрасный „Арбалетъ“, вольный сынъ аравійскихъ стеней, однимъ словомъ, тотъ самый скакунъ, который удостоился высокой чести нести меня

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1910 г.

на своей спинѣ, уже отосланъ въ нашу конюшню, и что я, такимъ образомъ, могу считать себя его хозяйкой.

На восторженное изумленіе съ моей стороны онъ отвѣтилъ арабской поговоркой, что „по всаднику конь, а конь по всаднику“...

— Слѣдовательно,—пояснилъ онъ,—такъ оно должно быть и такова значить воля кесмета.

Когда же я, охваченная радостнымъ волненіемъ, благодарила его, то надо было видѣть этого государственнаго мужа: онъ покраснѣлъ до слезъ и отъ смущенія не зналъ, куда глаза дѣвать, напоминая скорѣй застѣнчивую дѣвицу, чѣмъ грознаго пашу, какимъ считали его христіане со временъ Алеппской рѣзни.

Съ милой улыбкой онъ сталъ увѣрять, что никогда не былъ такъ счастливъ, какъ сейчасъ, и въ заключеніе выразилъ надежду, что я съ благословенія Аллаха не перестану полиѣть и полиѣть до безконечности. На этотъ разъ я не обидѣлась, зная уже настоящій смыслъ сказаннаго пожеланія. Вдругъ какая-то неясная догадка мелькнула на мигъ, и воображеніе мое понеслось навстрѣчу чему-то загадочному.

— По какимъ собственно побужденіямъ,—думалось невольно,—обремененный долгами Кіамиль-паша предложилъ мнѣ такъ дорого стоящей даже тамъ, на Востокѣ, подарокъ?

И дѣйствительно: со временемъ оказалось, что все это было устроено не имъ, а моимъ негласнымъ поклонникомъ.

Дамы принялись упрашивать меня остаться ночевать; но я, сообразивъ, что имъ просто хотѣлось допекать меня сватовствомъ за бѣя, поспѣшила уклониться отъ приглашенія, сославшись на родныхъ, отъ которыхъ не имѣлось на то согласія. Тогда былъ возбужденъ вопросъ, что подать мнѣ подъ верхъ: лошадь, мула или осла? Но послѣднее не годилось въ данномъ случаѣ, а потому я попросила нанять для меня солдата изъ губернаторской казармы и отправиться съ нимъ пѣшкомъ.

Къ такому упрощенному способу передвиженія часто прибѣгали обыватели страны, гдѣ нѣтъ ни экипажей, ни дорогъ, и что весьма охотно разрѣшалось властями ради посторонняго заработка на пропитаніе нижнимъ чинамъ, не получавшимъ по нѣскольکو мѣсяцевъ въ году жалованья отъ разоренной казны. Но любезный хозяинъ и слышать не хотѣлъ о платѣ, а самолично приказалъ двумъ заптѣе изъ собственнаго караула сопровождать и охранять меня.

Путешествуя съ ними сперва по изрытымъ тропинкамъ въ долинахъ, а затѣмъ пробираясь черезъ предмѣстье съ его узенькими, какъ щели, проулочками, гдѣ мудрено было идти, не задѣвая стѣнъ боками, я смѣялась въ душѣ, воображая, что сказали бы у насъ-

въ Россіи, если бь могли сейчасъ видѣть меня оттуда, блуждающую въ непроницаемой тьмѣ по глухой мѣстности и конвоируемую турецкими солдатами, о звѣрствахъ которыхъ во всѣхъ газетахъ міра сообщались тогда ужаснѣйшія вещи.

А между тѣмъ, страшные люди эти, съ ятаганами за поясомъ, проявили столько вниманія и заботъ, что я почти не замѣчала неудобствъ пути. Больше ползкомъ, чѣмъ на ногахъ, двигались они впередъ, ежеминутно склоняясь къ землѣ, чтобы видѣть всѣ неровности почвы, предостерегая и слѣдя за каждымъ моимъ шагомъ.

Наконечъ, мы выбрались на широкій бульваръ и вскорѣ пришли къ нашему парадному ходу, ярко освѣщенному фонарями.

Здѣсь я раздала своимъ кавалерамъ по два меджидіе каждому, чѣмъ несказанно обрадовала и удивила ихъ: такого щедрого вознагражденія они никакъ не ожидали, такъ какъ расчетливые аборигены платили въ тѣхъ же случаяхъ всего нѣсколько піастровъ.

Отъ избытка чувствъ оба преклонили колѣна и, призывая благословеніе Аллаха, нѣжно расцѣловали—да не подумаетъ читатель, что руки мои, нѣтъ! а собственныя ладони, выражая этимъ, по ихъ понятіямъ, наивысшій знакъ благоволенія и преданности.

Затѣмъ, сохраняя на лицахъ торжественно серьезный видъ, они взяли ружья на плечо и отдали не подобающую моей особѣ воинскую честь.

Отъ родныхъ мнѣ досталось за опозданіе. Тогда я правдиво рассказала имъ все, что слышала отъ Элиме; но, какъ оказалось, не сообщила ничего новаго.

Они переглянулись между собой и послѣ нѣкотораго колебанія сознались, что имъ уже извѣстно о намѣреніяхъ Тафти-бея.

Тутъ вспомнила я ксгати Мидхатъ-пашу, который съ перваго же дня нашего знакомства не разъ смущалъ меня какими-то странными намеками, и я поняла, что дѣло уже пущено въ ходъ.

— Удивительно! — философствовала я, — какъ можетъ мужчина полюбить женщину, съ которою онъ не обмолвился еще ни единымъ словомъ?

— И удивляться-то нечему здѣсь, — перебилъ дядя. — Развѣ у насъ не бываетъ того же? Я самъ влюбился въ свою жену съ перваго момента нашей встрѣчи. Именно такой характеръ внезапнаго увлеченія—совершенно въ духъ пылкаго темперамента азіата. Вотъ „ухаживать“ въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ, не въ нравахъ мусульманина и считается имъ униженіемъ мужского достоинства обнаруживать при людяхъ свои чувства.

Однимъ словомъ, онъ сказалъ то же самое, что и дочь губернатора.

— Какъ? Неужели бей не потрудится даже узнать о моихъ личныхъ взглядахъ и чувствахъ къ нему?—спросила я съ негодованіемъ.

— Ну, едва-ли поклонникъ твой задается подобными вопросами,—разсмѣялась Marie. — Турецкіе браки заключаются обыкновенно черезъ посредниковъ, которые и ведутъ переговоры между родственниками жениха и невѣсты. Несомнѣнно, что и онъ слѣдуетъ по тому же пути и надѣется при содѣйствіи Кіамиль-паши и его дамъ заручиться нашимъ согласіемъ, а о любви у нихъ говорятъ потомъ, когда обвѣнчаются.

И она въ интересной формѣ повѣствованія изобразила предомной бытовую картинку магометанскаго бракосочетанія. Оказалось, что таинство это совершается въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ домъ невѣсты является мулла и пишетъ при свидѣтеляхъ условіе на известную сумму денегъ, которую она имѣетъ право получить отъ мужа въ случаѣ развода или вдовства, а затѣмъ читается краткая молитва — и дѣло считается законченнымъ. Послѣ религіознаго обряда начинаются увеселенія съ музыкой и обильнымъ угощеніемъ гостей.

Согласно традиціонному уставу, сказанное событіе празднуется цѣлую недѣлю, въ теченіе которой обвѣнчанные не видятся совсѣмъ: молодая проводитъ время съ подругами у себя, а женихъ пируетъ въ обществѣ мужчинъ.

На восьмой день отецъ приходитъ въ гаремъ, даетъ полезные совѣты, благословляетъ дочь и опоясываетъ ее станъ шелковымъ поясомъ.

Затѣмъ новобрачную везутъ въ домъ мужа; но, по требованію этикета, она должна при этомъ горько плакать, жаловаться и сопротивляться, даже въ томъ случаѣ, если новобрачный очень нравится ей.

Наконецъ, молодую водворяютъ на новое мѣстожительство и оставляютъ одну. Тогда въ комнату къ ней приходитъ супругъ, молча срываетъ съ ея лица густое покрывало и, такимъ образомъ, впервые созерцаетъ красоту своей жены.

Съ этого знаменательнаго момента разрѣшается сколько угодно толковать о любви и о чемъ угодно. Такая же точно церемонія во всей ея точности обязательна и для иностранки, вышедшей замужъ за турка.

Меня ужасно насмѣшила мысль представить себя въ столь забавной и нелѣпой роли, такъ какъ Тафти-бей уже имѣлъ определенное понятіе о моей наружности; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, огорченная слышаннымъ, я съ удивленіемъ спросила: — Развѣ образова-

ные турки также раздѣляютъ устарѣвшіе взгляды невѣжественныхъ людей?

Тогда собесѣдники мои сослались на убѣдительный примѣръ въ лицѣ высоко просвѣщеннаго Мидхатъ-паши, съ прочно установившейся за нимъ репутаціей самаго передового дѣятеля въ мусульманскомъ мірѣ и который, тѣмъ не менѣе, остался все тѣмъ же питомцемъ гарема, какъ и охранители древняго порядка жизни, а, слѣдовательно, по словамъ ихъ, не имѣлось ни малѣйшаго основанія ожидать чего-либо иного и отъ красиваго адъютанта.

Впослѣдствіи я самолично убѣдилась, что такъ оно и было въ дѣйствительности и что, вообще, нельзя судить о восточномъ народѣ по западнымъ идеаламъ. Въ тѣ времена, о которыхъ идетъ рѣчь (а можетъ быть, и сейчасъ то же самое—не знаю), наблюдалась въ высшемъ турецкомъ обществѣ такая удивительная аномалія вещей. Какъ извѣстно читателю, состоятельные турки ѣздятъ обыкновенно для окончанія курса высшихъ наукъ въ главныя столицы Европы.

Вернувшись оттуда съ порядочнымъ запасомъ знаній, они очень скоро дѣлаютъ карьеру и такимъ образомъ приобрѣтаютъ извѣстное вліяніе въ правящихъ сферахъ имперіи, да и сами чрезвычайно быстро двигаются по лѣстницѣ высшихъ ранговъ.

Вотъ тогда-то новоиспеченные джентльмены и начинаютъ удивлять міръ необыкновенной двойственностью въ словахъ и дѣйствіяхъ своихъ.

Извѣстный Рушди-паша, задушевный другъ Мидхата, съ которымъ онъ вмѣстѣ писалъ конституцію, въ бытность свою садразамомъ¹⁾ при Абдуль-Азисѣ, имѣлъ обыкновеніе,—какъ рассказывали его же подчиненные—на донесенія изъ провинцій о рѣзнѣ христіанъ отвѣчать такой забавной шуткой: „Почему и пивкамъ не дѣлать отъ времени до времени легкихъ кровопусканій—даже полезно для здоровья“.

Мнѣ кажется, что приведенный примѣръ лучше всякихъ разсужденій поясняетъ вышесказанное.

Кокетничая съ прессой и усердно либеральничая передъ дипломатами, просвѣщенные господа эти, ради популярности только, дѣлали весьма вредныя для себя же уступки, что не мѣшало имъ одновременно проклинать и ненавидѣть „благодѣтелей“ своего народа.

Зато въ дѣлахъ повседневной жизни и домашняго обихода они оставались всегда вѣрны завѣтамъ и традиціямъ Ислама, а къ

¹⁾ Великій визирь.

женщинѣ предъявляли еще болѣе суровыя требованія, чѣмъ до поѣздки за границу.

Однажды Мидхатъ-паша на вопросъ мой: за что, собственно, считаютъ его убѣжденнымъ поклонникомъ Европы, тогда какъ онъ и не думаетъ скрывать ненависти своей къ цивилизаторамъ, отвѣтилъ мнѣ аллегоріей въ магометанскомъ стилѣ.

— Будемъ говорить о добромъ пріятелѣ,—такъ началъ онъ,—который отъ избытка благорасположенія взялъ да и заковалъ мои ноги въ тяжелыя цѣпи, положимъ, что изъ золота высокой пробы—съ горькой усмѣшкой вставилъ либеральный сановникъ,—скажите, возможно ли при данныхъ условіяхъ чувствовать себя свободнымъ въ движеніяхъ? Нѣтъ, конечно!

А между тѣмъ тиски давятъ и жмутъ!

Драгоценный другъ, умоляю я, пусти—мнѣ недосугъ: дома и виноградникъ не убранъ, и овцы не стрижены—все прахомъ пойдетъ! Ну, нѣтъ! отвѣчаетъ доброжелатель,—сиди, коли покался, а по хозяйству я самъ управлюсь. Что тутъ дѣлать?

Добрые люди, кричу я, позовите кузнеца! Но такового не оказалось. Наберись терпѣнія, утѣшаютъ сосѣди—скоро заведемъ собственнаго мастера кузнечныхъ дѣлъ, а тогда не только тебя освободимъ, но и кесметъ свой будемъ сами ковать...

И вотъ, какъ видите, пока только учимся, а до экзаменовъ еще далеко!..

Такими словами закончилъ свою сказочку европеецъ-паша и продолжалъ со смѣхомъ:

— Что же касается вопроса насчетъ „женской эмансипаціи“, о чемъ мы, кажется, не разъ съ вами спорили, то здѣсь уже совсѣмъ не то, и откровенно говоря, намъ просто не желательно имѣть женъ и дочерей, просвѣщенныхъ западной моралью.

Если разбойникъ покажетъ мнѣ ножъ, то я отдамъ ему кошелекъ и верхнее платье, но постараюсь сохранить рубашку на тѣлѣ—не такъ ли?

Вотъ дословный переводъ собственныхъ его выраженій, записанныхъ мною тогда же въ дневникъ.

А черезъ годъ послѣ сказаннаго убѣжденный исламистъ этотъ заставилъ Абдуль-Гамида подписать о равноправіи тѣхъ, кого онъ такъ страстно ненавидѣлъ...

Изумительное противорѣчіе! И какъ понять тутъ загадочную натуру восточнаго человѣка со всѣми изгибами его души?

— Дорогая тетя!—обратилась я къ Магіе съ намѣреніемъ сбить ее съ позиціи,—вы сами рассказывали мнѣ о нѣкоторыхъ удачныхъ бракахъ христіанокъ съ турками, такъ почему же и намъ съ Тафти-

беемъ не обвѣнчаться, разъ мы правимся другъ другу? Тогда она съ горячностью возразила, что тамъ были совершенно другія условія, а главное—другіе законы, и указала на тѣ препятствія, которыя неизбѣжно возникли бы въ данномъ случаѣ, какъ со стороны православной церкви, такъ и дипломатія русской. Затѣмъ тетушка моя съ превеликимъ усердіемъ принялась расписывать въ мрачныхъ краскахъ неприглядныя картины гаремнаго быта и, въ концѣ-концовъ, задала мнѣ очень мудреную задачу: немедленно выкинуть изъ головы плѣнительный образъ красавца.

На этомъ и закончилась бесѣда наша о впечатлѣніяхъ минувшаго дня.

Всѣ доводы благоразумія показались мнѣ малоубѣдительными, такъ какъ я еще не успѣла освободиться отъ очарованія, навѣяннаго разговорами въ банѣ. Огорченная полученнымъ отпоромъ, я невольно вспомнила о Мидхатъ-пашѣ, который, — по словамъ Элиме, — могъ бы все устроить, и тайно приняла рѣшеніе обратиться къ нему за совѣтомъ и содѣйствіемъ.

Г л а в а XXIX.

Наступилъ душный октябрь послѣ прохладнаго, какъ всегда, лѣта въ Хіосѣ. Въ теченіе осеннихъ мѣсяцевъ съ особенной силой дуетъ знойный сирокко и волнуетъ море крупной зыбью. Приближалась также и пора періодическихъ землетрясеній, разрушавшихъ нерѣдко цвѣтушіе уголки классическаго Архипелага, всѣ острова котораго расположены на вулканическомъ кольцѣ и потому всегда отражаютъ въ своихъ нѣдрахъ толчки при изверженіяхъ Везувія или Этны.

Грозныя явленія эти всегда проявляются весною и позднею осенью. Сотрясеніе почвы имѣетъ при этомъ двойкій характеръ: по горизонтальному или вертикальному направленію. Въ первомъ случаѣ, все обходилось довольно благополучно, вслѣдствіе того, что постройки возводятся тамъ изъ легкаго, пористаго камня, который даетъ имъ извѣстную упругость и устойчивость. Бывало, въ самый неожиданный моментъ, вдругъ что-то дрогнетъ, загрохочетъ и пойдетъ ходуну передъ глазами, какъ на палубѣ парохода во время шторма, и кажется тогда, что рушится потолокъ, а домъ распадается на части. Но проходилъ моментъ, и опять водворялась тишина до новой встряски.

Совсѣмъ другое было дѣло, когда вулканическое воздѣйствіе изъ Италіи начиналось вертикальными толчками, то, конечно, въ по-

добныхъ случаяхъ зданія разрушались, и земная кора давала глубокія трещины.

Замѣтивъ опасные симптомы надвигающейся катастрофы, всѣ мы, городскіе обыватели, немедленно грузили багажъ на спины ословъ и муловъ и уходили подальше отъ береговъ въ долины, гдѣ раскидывали палатки и жили въ нихъ, тревожно выжидая финала подземной трагедіи.

А такъ какъ колебаніе почвы совсѣмъ незамѣтно внѣ стѣнъ жилищъ, то слѣдить за ходомъ пертурбацій въ царствѣ Плутона возможно было лишь, наблюдая движеніе воды въ стеклянной посудѣ.

Душный сезонъ продолжался. Сѣверный вѣтеръ спадалъ, и Сахара дышала, какъ раскаленная печь.

Тоска опять захватила меня въ свои жестокія объятія и наступило разочарованіе.

Какъ вдругъ мелькнула надежда на что-то болѣе интересное, чѣмъ скучное до одуренія мѣстное общество.

Однажды, вернувшись съ пришедшаго на рейдъ парохода, дядя сообщилъ чрезвычайно пріятную для меня новость:

— Магіе,—обратился онъ къ женѣ,—завтра жди гостей: къ намъ ѣдутъ изъ Смирны Чарли Фишеръ съ сестрой, Джони Аткинсонъ и, взглянувъ въ мою сторону, съ улыбкой продолжалъ: — а также въ нѣкоторой степени и землякъ нашей племянницы, Августъ Жаба.

— Какая „жаба“? Кто „жаба“?—не поняла я.

— Во всякомъ случаѣ не изъ болота и не изъ породы лягушекъ,—расхохотался дядя,—впрочемъ, ты сама въ этомъ убѣдишься.

На дальнѣйшіе мои разспросы, онъ отвѣчалъ, что ожидаемый господинъ, съ такой некрасивой для русскаго уха кличкой, сынъ польскаго эмигранта, который еще юношей, вѣроятно, по причинамъ политическаго свойства, навсегда переселился въ Смирну, гдѣ и женился на мѣстной уроженкѣ, и что настоящая фамилія его „Дзаба“, но иностранцы передѣлали ее въ „Жаба“.

— А какъ же мнѣ-то звать его?—спросила я,—по имени и отчеству или паномъ Дзабой? Я русская, и не обязана, въ угоду левантинцамъ, коверкать славянскую фамилію.

— И напрасно!—возразила Магіе,—только насмѣшишь его—вотъ и все! Человѣкъ отъ рожденія привыкъ къ извѣстному прозвищу, и вдругъ такое, ни на чемъ не основанное, нововведеніе.

— Но вѣдь знаетъ же онъ, что означаетъ это противное слово въ переводѣ на нашъ языкъ, и ему можетъ показаться...

— Тебѣ-то какое дѣло, что онъ подумаетъ, — перебила она, — ты будешь говорить съ нимъ по-французски, а, слѣдовательно, и соотвѣтственно тому называть его, какъ и всѣ, „monsieur Jaba“.

— Marie права,—вмѣшался дядя,—иначе и нельзя. При этомъ имѣй въ виду, что вся семья Јаба, за исключеніемъ, конечно, старика, не только по-русски, но даже по-польски ничего не понимаетъ—какъ ни странно послѣднее, а такъ ужъ воспитала ее мать французенка.

На слѣдующій день прямо съ парохода явились къ намъ молодые люди. Мой землякъ оказался красивымъ брюнетомъ, съ синими глазами и очень нѣжнымъ цвѣтомъ лица. Чарли Фишеръ, сынъ директора оттоманскаго банка, атлетъ по сложенію, напоминалъ римскаго гладіатора, и сестра его, сухая, костлявая миссъ, жеманно присѣдала и говорила птичьимъ голоскомъ. Наконецъ, послѣдній изъ прибывшей компаніи Джонни Аткинсонъ, типичнѣйшее чадо Альбіона, надменно смотрѣлъ и цѣдилъ что-то сквозь сжатые зубы. Всѣ четверо, какъ уроженцы портоваго города, владѣли нѣсколькими нарѣчіями, но чаще всего прибѣгали къ излюбленному „галикѣ“. Привезли они массу новостей, но только по части сплетенъ мѣстнаго характера и, слушая съ утра до вечера ихъ оживленную болтовню, я, хотя и сама молодая дѣвушка, изумлялась отсутствію у нихъ всякаго интереса къ другимъ сторонамъ жизни, и тогда мнѣ пришлось самолично убѣдиться, что тѣ вопросы, которыми живетъ и дышетъ наша русская молодежь, совершенно чужды этой европейской интеллигенціи.

А мы-то воображаемъ, что насъ справедливо называютъ отсталыми варварами и неучами...

Мнѣ было обидно за Августа Дзаба, и невольно думалось, что, родись онъ у насъ, въ Россіи, то, вѣроятно, изъ него получилось бы что-нибудь болѣе содержательное, чѣмъ болтливая кумушка и совершенно невѣжественный человѣкъ.

Какъ-то разговоръ коснулся политики, которая, надо сказать правду, интересовала сказанныхъ господъ не менѣе, чѣмъ дѣла и дѣлишки ближнихъ. Но горячо, обсуждая положеніе вещей на берегахъ Босфора, они обнаружили при этомъ удивительно скудные познанія въ географіи и этнографіи.

Презрительно улыбаясь, мистеръ Аткинсонъ обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Въ газетахъ все толкуютъ о какихъ-то сербахъ, черногорцахъ и прочихъ лилипутахъ—будьте любезны, разъясните намъ, гдѣ собственно живутъ эти обезьяны?

Задѣтая высокомернымъ тономъ британца, я рѣзко отвѣтила ему, что мнѣ не нравятся его выраженія о единокровныхъ намъ славянахъ.

Тогда онъ извинился и объяснилъ, что не имѣлъ до сихъ поръ яснаго представленія о нашемъ племенномъ сродствѣ съ возстав-

шими вассалами падишаха, считая всегда русскую націю помѣсью монголовъ со скянами.... И снова попросилъ меня указать ему и товарищамъ точное мѣстожителство славянъ.

Я взяла карту и, такимъ образомъ, волею капризной судьбы, мнѣ пришлось вторично поучать, но уже на этотъ разъ цивилизованныхъ европейцевъ, а не наивныхъ турчанокъ.

Посыпались шутки и остроты въ родѣ слѣдующаго:

— Возможно ли, — хохотали просвѣщенные люди, — изводить столько газетной бумаги и типографскихъ красокъ по поводу суматохи въ этихъ кукольныхъ владѣніяхъ, которыхъ безъ помощи микроскопа и не отыщешь на земномъ шарѣ!..

Однимъ словомъ, повторилось нѣчто, напоминающее первую неудачную мою лекцію о затменіи луны.

На замѣчаніе дяди, что кромѣ траты на чернила дѣло еще можетъ окончиться большой войной, джентльмены съ достоинствомъ возразили, что они вполне уяснили себѣ истинный смыслъ текущихъ событій и прекрасно знаютъ, „чья“ рука выдвинула на міровую арену безпокойный народецъ.

Августъ Жаба авторитетно заявилъ, что Россія, ослабленная Крымской кампаніей, не одолѣетъ оттоманскую армію; британцы подтвердили то же самое и добавили въ назиданіе намъ, что Турція будетъ непобѣдима, потому что сама Англія у нея за спиной.

Въ тѣ времена мнѣ часто приходилось слышать отъ подданныхъ Альбіона столь гордые рѣчи, что чрезвычайно раздражало меня тогда.

А теперь, вспоминая давно минувшее, я думаю: какъ правы они въ своемъ величавомъ самомнѣніи!.....

Прогостивъ у насъ недѣлю и выгрузивъ весь запасъ сплетенъ и новостей Смирнскаго общества, гости наши уѣхали, обѣщая вскорѣ опять посѣтить прекрасный Хіосъ.

Нѣсколько дней спустя вернулся пока одинъ только Августъ Жаба и привезъ намъ два большихъ свертка.

Развернувъ одинъ изъ нихъ, онъ извлекъ оттуда красивый шелковый вѣеръ, а затѣмъ роскошный букетъ изъ страусовыхъ перьевъ и передалъ ихъ Marie.

Она хвалила то и другое и сердечно благодарила.

Сначала я думала, что это не что иное, какъ посылка изъ Смирны отъ ея родственниковъ и больше ничего.

Но, нѣтъ! молодой человекъ приблизился и ко мнѣ съ коробкой въ рукахъ и застѣнчиво спросилъ, желаю ли я взглянуть на какія-то бездѣлушки, которыя онъ имѣетъ счастье повергнуть къ моимъ ногамъ.

Не уяснивъ себѣ настоящаго значенія столь страннаго преди-

словія, я взяла отъ него свертокъ и распаковала его. Въ немъ оказались: яркія ленты, вуали, модные воротнички, флаконы духовъ, дюжина перчатокъ и еще что-то.

— Дорогая тетя!—радостно позвала я ее,—и меня также балуютъ ваши родные—посмотрите, какую массу хорошенькихъ вещей прислали они!—Удивленный взглядъ окружающихъ былъ отвѣтомъ.

— Ты ошибаешься, другъ мой,—отозвался дядя по-русски:—никто ничего не присылалъ! Г-нъ Жаба лично отъ себя предлагаетъ тебѣ все это,—сейчасъ же поблагодари его за вниманіе, какъ полагается въ данномъ случаѣ.

— А! вотъ оно что!—вспыхнула я, сгорая отъ стыда,—какое нахальство! И какъ онъ смѣетъ! У насъ только горничнымъ мужчины дѣлаютъ такіе подарки.....

Но дядя сердито перебилъ меня и строго приказалъ немедленно поправить дѣло. Да и время было: гость нашъ, сконфуженный, растерянный, ничего не понимая, въ глубокомъ изумленіи смотрѣлъ на насъ.

Пришлось повиноваться и, возмущенная до глубины души вульгарнымъ приѣмомъ свѣтскаго франта, я холодно пожала ему руку.

Когда же при дальнѣйшемъ нашемъ знакомствѣ мы оба тайно отъ родныхъ обмѣнялись фотографическими карточками, и когда, благодаря нескромности самого же поклонника моего, пошли объ этомъ нежелательные слухи, то разразился такой скандалъ, что дядя едва не вызвалъ на дуэль болтливаго донъ-жуана.

Магіе, обливаясь слезами, упрекала меня въ легкомысліи, которое чуть не привело ея мужа къ барьеру.

— Ну, и взгляды, нечего сказать!—рыдала я въ отвѣтъ,—выходить такъ, что мужчины имѣютъ право покупать мнѣ шляпки, перчатки и что угодно! И еще осмѣливаются называть обычаи наши дикими!...

— Именно таковы понятія и нравы здѣсь,—говорила огорченная тетюшка—никто, напримѣръ, не осудитъ тебя, если ты примешь отъ молодого человѣка, посѣщающаго нашъ дѣмъ, даже кусокъ матеріи на платье или пару туфель; но подарить ему свой портретъ—это уже считается поступкомъ, достойнымъ глубокаго порицанія.

Дамы, какъ въ Хіосѣ, такъ и въ Смирнѣ, съ ужасомъ повторяли, что, молъ, каковы русскія барышни и какое удивительное воспитаніе получаютъ онѣ въ Россіи?!

Тогда почтенныя лица и друзья дяди при содѣйствіи самого же отца виновника суматохи, взялись за исправленіе нашихъ промаховъ. Они заставили сконфуженнаго героя объявить себя публично похити-

телемъ карточки изъ альбома, что онъ и сдѣлалъ, послѣ чего симпатіи общества снова вернулись ко мнѣ.

Портретъ я получилъ обратно и съ своей стороны отправила отставному поклоннику клочки изношенныхъ вуалей, воротнички и нѣсколько паръ грязныхъ перчатокъ. Тѣмъ и закончилась первая, она же и послѣдняя, глава нашего мимолетнаго романа.

Такимъ образомъ, оправдалась русская пословица: „что городъ, то норовъ“...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

